

УДК 811

«Речевая ориентация» как категория рецептивной лингвистики

Е. Г. Борисова

*Московский государственный педагогический
институт*

«Orientation in speech» as a category of receptive linguistics

E. G. Borisova

Moscow State Pedagogical Institute

E-mail: egbor@mail.ru

Научная статья

Scientific article

Статья посвящена такому новому направлению языкознания, как «рецептивная лингвистика», т. е. описание языка, ориентированное на моделирование процессов его восприятия. В данном аспекте имеет смысл считать единой языковой категорией соотношение единиц высказывания с содержанием сообщения, отражающим какой-то фрагмент реальности, а также с содержанием текста. В эту категорию попадает референция и коммуникативная организация высказывания (тема – рема, известное – новое).

The article describes some foundations of the new branch of linguistics. The so called 'receptive linguistics' is the language description that takes into consideration modeling process of perception. This approach makes it possible to regard reference and the communicative organization of utterances as two aspects of the linguistic category that denotes the correlation of the text with the reality; what words denote new objects and what lexemes mention objects that the Hearer should know. This category is called 'speech orientation'.

Ключевые слова: участники общения, деятельность, адресат, референция, коммуникативная организация высказывания, частицы.

Keywords: method of comparison, comparative linguistics, contrastive linguistics.

1. История языкознания знает множество различных подходов к основному предмету этой науки – к языку и его использованию. Если одни – например, сравнительно-исторический подход в девятнадцатом веке или структурный подход в двадцатом столетии – определили развитие науки на десятилетия, то другие дали несколько интересных результатов и охватили относительно узкий круг адептов. Однако любой новый поворот во взглядах на язык, если он достаточно обоснован, дает что-то новое и интересное для языковедов и тех, кто пользуется результатами их трудов: педагогов, специалистов по компьютерной обработке текстов, рекламистов, юридических экспертов и многих других.

2. Для второй половины XX века характерно внимание к деятельностной стороне языка. На основе учета деятельности говорящего возникли такие продуктивные направления, как функциональное, существующее в рамках нескольких школ, лингвопрагматическое, коммуникативное, когнитивное и ряд других.

Результаты исследований представителей этих направлений используются в машинном переводе (в основном, на базе модели «Смысл – Текст»), в преподавании родного и неродных языков и многих других прикладных областях.

Особенностью этих подходов является внимание к деятельности активного участника общения, которого принято называть «говорящим» (имея в виду и его участие в письменной речевой деятельности). Появились «грамматики говорящего», в которых представлено много новых правил, описывающих функционирование грамматических

категорий и лексических единиц, а также категорий сверхфразовых, связанных текстов – того, что плохо поддавалось описанию без обращения к деятельности говорящего. Наличие таких результатов – сведений о языке, недоступных без обращения к определенной научной методике, – и является основанием для существования такой методики. В этом выводе мы видим приложение фундаментального научного принципа «Не умножай сущностей сверх необходимого», известного как «Бритва Оккама».

Описательные и объяснительные возможности языкознания могут быть увеличены, если наряду с действиями говорящего учитывать его взаимодействие с адресатом: ориентация на его реакцию, на общий язык, на соответствующий стилевой регистр. Первыми осознали эту дополнительную возможность специалисты в области риторики и лингвопрагматики.

Сейчас так называемое активное описание языка, толчок которому дан в 60-ые годы в трудах специалистов, связанных с компьютерной лингвистикой (Ю. С. Мартемьянов, Н. Н. Леонтьева, И. А. Мельчук, А. К. Жолковский, Ю. Д. Апресян) и преподавателей русского языка как неродного (О. П. Рассудова, М. В. Всеволодова и др.) получило широкое развитие, одним из свидетельств которого является «Активный словарь» [1]. Естественным образом встает вопрос о рецептивном описании, «лингвистике адресата», тем более что сделано уже немало попыток и собран значительный материал.

В частности, именно к этому направлению можно отнести описания языка с позиций речевого воздействия, вежливости и других прагматических аспектов.

3. Активное описание языка привело к принципиально новым подходам к грамматике (описание условий употребления грамматических категорий – артикля, вида), к лексике (описание синонимов и так называемых лексико-семантических групп). Если исходить последовательно из принципа описания речи с позиций адресата, то необходимо давать наиболее адекватное представление языковых структур и речевой деятельности, которые отражали бы получение адресатом информации, передаваемой в сообщении говорящего. Речевая деятельность адресата не сводится к использованию структурной информации (грамматика, словарь) для расшифровки сообщения и перехода от текста сообщения к его содержанию. Необходимо учесть те выводы, которые адресат делает как из значений употребленных единиц, так и из контекста, условий общения и т.п. Например, при восприятии сообщения

(1) *Завтра я на дежурстве*

адресат делает вывод, что собеседник из-за дежурства не может сделать что-то, чего от него ожидали.

При описании действий рецепиента приходится учитывать и изменение его эмоционального состояния, возникающие ассоциации, влияющие на выбор вариантов понимания сообщения и целый ряд других факторов, что и заставило в свое время отказаться от термина «пассивная речевая деятельность» для обозначения чтения и слушания: деятельность адресата оказывается вполне активной.

4. Естественной, важной частью понимания является соотнесение средств номинации в тексте с обозначаемыми ими объектами реальности и упоминаемыми ранее другими средствами названия. В современном языкознании подобное явление называется референция (reference, т.е. отсылка, соотнесение). Референция сначала изучалась в рамках логики, т.к. выводы об истинности или ложности сообщения невозможны без понимания, к каким объектам отнесены имена, употребленные в высказывании. В языкознании обращение к этому понятию в первую очередь было связано с употреблением артиклей. Однако и в тех языках, где артиклей нет, понятие референции, ее функции и их типы, выражаемые в языке, очень важны для отражения особенностей языка. Для русского такой анализ был проделан Е. В. Падучевой [2], а также многими русистами и специалистами по теории языка.

Наряду с описательным подходом к местоимениям и другим средствам референции, исследователи задавались и вопросом, как референция влияет на порождение речи – на выбор средств ее обозначения. В частности, имеется несколько исследований,

определяющих условия употребления неопределенных местоимений и наречий [3]. Ряд работ [4] посвящен способам выбора средств референции: замене имен на местоимения.

В ряде описаний учитывается, что выбор нужного местоимения связан с возможностью понимания, в частности, неоднозначного:

(2) *Друг предупредил брата, и тот вовремя скрылся*

при том, что в отсутствие неоднозначности интерпретации вместо *тот* употребляется местоимение 3 лица:

(3) *Брат опасался дефицита, но он не проявился.*

Иными словами, описание условий использования средств референции должно осуществляться с учетом деятельности адресата, т. е. в рамках рецептивной парадигмы. Действительно, при понимании сообщения адресат должен ориентироваться, к чему относится то или иное утверждение: к только введенным участникам ситуации или к уже упоминавшимся, являются ли «новые» участники неизвестными или они должны быть отождествлены с кем-то (или чем-то) из общих знаний говорящего и слушающего.

5. Сходная задача решается и при обозначении известности участников ситуации средствами коммуникативной организации, в первую очередь при помощи частиц. Так, частица *же* используется тогда, когда говорящий хочет представить содержание сообщения уже известным слушающему:

(4) *Мы же всё обсудили!*

Схожие функции указания на известность может получить частица *вот*:

(5) *Я было не поверила, но студент вот мне сказал.*

Этот пример в записи разговора шел через два высказывания после первого упоминания студента:

(5') *Я это еще с пятикурсниками обсуждала. Очень интересный был результат у одного.*

Хотя слово *студент* встретилось первый раз, частица *вот* помогла идентифицировать обозначенное им лицо как уже упомянутое.

В целом можно отметить, что опознанию объекта как известного, имеющего определенный статус, способствуют частицы *вот*, *вон*, *как раз*, *именно*, а также уже упоминавшаяся частица *-то*. Их значения так или иначе связаны с установлением соответствия между наименованиями объектов или событий и объектами (событиями, лицами и т.п.).

Нередко частица *вот* употребляется и тогда, когда известным оказывается и событие:

(6) *Вернулся вот я из армии...*

Здесь частица обозначает, что предикат не несет новой информации, а является ссылкой на уже известное событие. Если бы в сообщаемой информации использовалось имя (*возвращение из армии*), то оно получило бы референциальный статус определенности [5].

6. Рассмотренные случаи показывают, что с позиций адресата (слушающего) имеет смысл говорить о единой категории. Она отражает действия рецепиента по соотношению поступающих ему наименований с описываемыми ситуациями и ее участниками, а также с наименованиями, использовавшимися ранее. В случае с именами существительными и местоимениями можно утверждать, что это примерно соответствует тому, что относят к референции. Однако в русском языке, где средств для маркировки различных референциальных статусов немного, аналогичная функция выполняется и частицами, играющими определенную роль в отражении противопоставления «новое – известное», относимого к коммуникативной организации высказывания.

Заметим, что референциальный статус может выражаться указательными местоимениями. Частицы, используемые для маркировки известности объекта или события, нередко связаны с этими местоимениями (*-то, там, сам*) [6].

Категория, содержанием которой является статус компонента сообщения с позиций соотношения его с реальностью и предыдущим текстом, мы называем речевой ориентацией: адресат таким образом ориентируется в сообщении, сопоставляя разные средства обозначения уже упомянутого и обращая внимание на новую информацию.

В русском языке имя или глагол могут получать статус: новое (интродуктивный референциальный статус для имен), известное (определенный или генерализованный референциальный статус), упомянутое в тексте (определенный статус). Возможно, исследования покажут, что список не является исчерпывающим.

Введение новой категории оправдывается не только возможностью единого описания ситуации с соотношением средств номинации с их денотатами, что крайне актуально для адресата.

Данную категорию можно использовать и в других лингвистических парадигмах, как нередко бывает с понятиями, возникшими в определенном направлении, но пригодившимися и для описаний других типов.

Ссылки / Reference

- [1] Апресян Ю. Д. Активный словарь русского языка. Т. 1. М., 2015.
- [2] Падучева Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). М.: Наука, 1985.
- [3] Селиверстова О. Н. Опыт семантического анализа слов типа 'все' и типа 'кто-нибудь' // Вопросы языкознания. 1964. № 4.
- [4] Kibrik Andrej A. Reference in discourse. Oxford: Oxford University Press, 2011. 651 pp.
- [5] Борисова Е. Г. Дискурсивные слова и референция в процессе понимания сообщения // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международной конференции «Диалог-2014»; под ред. И. М. Кобозевой, В. П. Селегея. М.: Наука, 2014.
- [6] Борисова Е. Г., Овчинникова Т. Е. Пространства усиления (пространственная метафора и возникновение усилительных частиц) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международной конференции «Диалог-2005»; под ред. И. М. Кобозевой, А. С. Нариньяни, В. П. Селегея. М.: Наука, 2005.